

ДМИТРИЙ ФИЛИПОВ

ТАНЯ САВИЧЕВА. ДЕВЯТЬ СТРАНИЦ*

Этот очерк – самый короткий и самый страшный. Потому что отчётливее всего безнадёжность и ужас войны проявляется тогда, когда гибнут ни в чём неповинные дети. Потому что не хватит сердца принять тот выбор, который в конце ноября встал перед правительством Ленинграда: снизить смертность от голода среди бойцов или спасти будущее города – детей. Выбор был сделан в пользу солдат РККА. Он понятен: не будет солдат – не будет и города, не будет и никакого будущего. Логика войны и власти диктовала безжалостные условия.

“Во избежание перебоев в обеспечении хлебом войск фронта и населения Ленинграда установить с 20 ноября 1941 г. следующие нормы отпуска хлеба:

- рабочим и ИТР 250 г;
- служащим, иждивенцам и детям 125 г;
- частям первой линии и боевым кораблям 500 г;
- лётно-техническому составу ВВС 500 г;
- всем остальным воинским частям 300 г” (Постановление Военного совета Ленинградского фронта № 00409).

Выбор этот можно понять, но нельзя принять.

Дневник Тани Савичевой, девять страниц, написанных размашистым детским почерком в маленькой записной книжке, оставшейся от сестры, стал символом Блокады, её бесконечной болью, незаживающей раной. Эта рана к нашим сытым и спокойным дням зарубцевалась, но она никогда не зарастёт на сердце. Такой убийственной силой обладают эти девять страниц. Он стал известен потому, что отразил в своих скупых строчках участь тысяч блокадных семей. Маленькая девочка, не умея верно, литературно оформить свои переживания, не имея места в маленьком, обтянутом шёлком блокноте, закричала на весь мир своими простыми словами. И мир содрогнулся от этого крика.

“Этот небольшой блокнотик, подаренный братом Леонидом (Лёкой) сестре Нине, служил рабочим справочником чертёжника-конструктора. Половину его страниц Нина заполнила данными котловой арматуры: задвижек, клапанов, вентиляей, а другая половина этого самодельного справочника, с алфавитом, оставалась чистой. Этой незаполненной алфавитной части записной книжки и суждено было стать скорбным дневником, в котором синим карандашом сестры Таня делала ставшие бессмертными записи”¹.

* Очерк Д. Филиппова включён в книгу “Битва за Ленинград”, которая выходит в издательстве “Молодая гвардия” в серии ЖЗЛ.

Появившийся в конкретном месте в определённое время, будучи связан крепче канатных узлов с трагедией миллионов советских людей, дневник Тани Савичевой стал легендой, знаменем, практически мифом. За ним просто-му обывателю уже сложно увидеть обычного ребёнка, который умел смеяться, любил музыку, радовался успехам в школе, не всегда слушался маму, обожал своих старших братьев и сестёр, — словом, жил обычной жизнью маленького человека одиннадцати лет от роду. Наверняка, ей уже нравились мальчишки тем первым робким детским чувством, в котором ещё нет ничего пошлого, а только чистая симпатия и учащённое сердцебиение при мыслях о предмете воздыхания. Возможно, она нравилась мальчишкам той же самой детской симпатией. Об этом мы уже никогда не узнаем.

Таня была восьмым, самым младшим и любимым ребёнком в семье Николая Родионовича Савичева и Марии Игнатьевны Фёдоровой. У Тани было две сестры — старшие Евгения и Нина, а также два старших брата — Леонид (“Лёка”) и Михаил. Ещё трое детей Савичевых умерли в младенческом возрасте от скарлатины до рождения Тани.

Семья была большой и дружной, было в ней что-то от дореволюционной традиции купеческих семей: совместные чаепития, музицирование, поездки летом на дачу.

Николай Родионович по современным понятиям был мелким предпринимателем. В 1910 году он вместе с братьями открыл “Трудовую артель братьев Савичевых”. При артели также были открыты пекарня и булочная-кондитерская, располагавшиеся на 2-й линии Васильевского острова в доме № 13/6. На предприятии трудился сам Николай Родионович с женой Марией и трое братьев: Дмитрий, Василий и Николай.

В этом же доме Савичевы и жили. В одной квартире — семья Николая Родионовича и Марии Игнатьевны, этажом выше — брат Дмитрий с женой Марией Михайловной и два брата-холостяка — Василий и Алексей. Удивительно, как в послереволюционное время семью не расселили, но всё же каток репрессий коснулся и Савичевых.

В 1935 году артель братьев Савичевых как пережиток нэпа была ликвидирована. “Дядя Вася — человек разносторонне образованный — стал директором магазина “Букинист” на Петроградской стороне, а дядя Лёша до пенсии работал заводским снабженцем. Только отец Тани Николай Родионович до конца своей жизни оставался непревзойдённым мастером хлебопечения. За свою коммерческую деятельность... попал в ту пору в категорию “лишенцев” и был выслан с семьёй из города (за 101-й километр под Лугу. — Д. Ф.). Правда, вскоре решение о высылке семьи было пересмотрено, и они смогли вернуться в Ленинград, в свою квартиру, но без отца. В 1936 году Николай Родионович приехал сюда на лечение уже безнадежно больным, будто предчувствовал свой печальный конец. 5 марта его не стало, он умер от рака”².

Тане было 5 лет, это была первая смерть близкого ей человека.

Дата рождения самой Тани обросла мифическими предположениями. Мария Игнатьевна, мать Тани, на последнем месяце беременности отправилась к своей сестре Капитолине, которая жила в деревне Дворищи Новгородской области. Марии был уже 41 год, и она опасалась осложнений при родах, а муж её сестры был врачом, и на его помощь она очень надеялась. В Ленинград она вернулась, когда Тане уже было несколько месяцев.

Первая возможная дата рождения — 25 января 1930 года. Она встречается во многих источниках и удивительным образом совпадает с Татьяниным днём, больше известным сегодня, как День российского студенчества. Другая возможная дата рождения — 23 февраля 1930 года, вероятно, подгонялась исследователями ко Дню основания РККА. И, наконец, 23 января 1930 года. Лилия Маркова в своём исследовании отсылает нас именно к этой дате.

Воспоминания Лилии Марковой, лично знавшей Танину сестру Нину, являются одними из самых достоверных исследований биографии Тани Савичевой. Будем придерживаться этой даты, хотя для мифа куда больше подходит Татьянин день.

Итак, родилась Таня Савичева 23 января 1930 года в большой семье. Квартира в доме № 13 по 2-й линии Васильевского острова — самая обычная для предвоенных времён. Никаких излишеств. “Кровать с никелированными шарами на высоких спинках отгорожена гигантским буфетом и трёхстворчатой ширмой. Сам буфет с резными дверцами и бесчисленными ящичками

разделяет комнату на две части: спальню и гостиную. Ширма красного дерева с узорчатыми стеклами — сбоку³. Раздвижной стол, на котором обычно лежали музыкальные инструменты: “гитары, банджо, балалайка, мандолина. Мандолина итальянская, с инкрустацией, на ней Лёка играет”⁴. Ещё “в доме было множество статуэток из фарфора, керамики, стекла, деревянных и металлических. Пастушки с ягнятами, мальчики со свирелями, собачки, птицы, котята в корзинках, девичьи фигурки в кринолинах и даже большой, полу-метровой высоты рыцарь... Все Савичевы, конечно, знали про бабушкину слабость”⁵.

Когда началась война, Савичевы, как и все остальные, не понимали, к каким последствиям она приведёт. Все были готовы “бить врага на его территории”. Тем не менее, и Лёка, и дядья отправились записываться добровольцами. Лёку не взяли из-за зрения, дядьёв — по возрасту, хотя у Василия Родионова был боевой опыт участия в Первой мировой, даже награды имелись.

Жизнь семьи, как и жизни миллионов советских граждан, круто переломилась.

Женя, старшая сестра, работала в архиве Невского машиностроительного завода, но, помимо работы, регулярно сдавала кровь для раненых. Она жила не со всеми, а в квартире на Моховой, оставшейся от первого мужа Юрия. Жизнь с ним не сложилась, развелись. Мама как лучшая швея была отправлена на производство военного обмундирования. Сама Таня помогала очищать чердаки от мусора, собирала стеклянную тару для изготовления зажигательных смесей.

Ещё одна сестра — Нина — работала на том же заводе, где и Женя, только в конструкторском бюро. А после начала войны была мобилизована на оборонные работы. Помогала рыть окопы в районе Рыбацкого. А дядья — Василий и Алексей — работали в службе противовоздушной обороны. Брат Леонид работал строгальщиком на Адмиралтейском судостроительном заводе, средний брат Михаил — слесарем-сборщиком.

Отпуск в июне 1941 года семья Савичевых собиралась провести в селе Дворищи, там, где Таня и родилась 11 лет назад. 21 июня первым уехал Михаил. Никто тогда не знал, что они видят друг друга в последний раз. Возможно, это обстоятельство спасло ему жизнь. Или погубило жизнь всей семьи. Блокадные судьбы переплетались порой причудливо, выпукло и выводили в жизнь или в смерть с совершенно неожиданных сторон.

Если взглянуть в толщу времён, то можно увидеть молодого парня, который одной рукой держит лёгкий фанерный чемодан, а другой обнимает мать, младшую сестрёнку. Нина и Женя на работе, с ними он попрощался с вечера. Лёка поедет провожать его на вокзал. Через две недели после дня рождения бабушки семья планирует воссоединиться. Они машут ему рукой, желают лёгкой дороги, Таня просит, чтобы он взял её на рыбалку, на Вельское озеро. Почему на рыбалку? Откуда взялась такая ассоциация? Девочки должны играть в куклы, в дочки-матери... Сохранилось фото, сделанное за несколько дней до начала войны. Одиннадцатилетняя Таня Савичева с младшей племянницей Машей Путиловской стоят на берегу реки, закрываются трепичными зонтиками от палящего солнца. На Тане платье в горошек, а взгляд... усталый какой-то, вымученный. Вот потому что река, солнце, лето — поэтому обязательно должна быть рыбалка. И Миша конечно же обещает сестре:

— Об-б-язательно порыбачим. — Михаил с детства заикается.

Поезд на Кингисепп отправлялся вечером. Вышли проводить Михаила. Полный чемодан продуктов, узелки, котомки: мука, макароны, хлеб... С продуктами в Дворищах небогато. Очень скоро такая поклажа в Ленинграде станет на вес золота.

На вокзал Мишу провожал только Лёка. Таня с Василием Родионовичем дошла до трамвайной остановки у моста Лейтенанта Шмидта.

Трамвай шестого маршрута “Кондратьевский проспект — Балтийский вокзал” подошёл почти сразу же. Михаил взбирается на подножку, укладывает багаж. Двери уже закрываются, но он успевает махнуть рукой на прощание. Вот этот взмах и есть та точка, определившая жизнь одного и смерть других.

Трамвай уезжает, увозя брата навсегда, а в воздухе тает лишняя хлебная карточка рабочего.

250 граммов хлеба с ноября по декабрь 1941 года.

Михаил ехал в деревню Дворищи, раскинувшуюся у Вельского озера вблизи древнего города Гдова. Путь недолгий, но сложный. Сначала на поезде до Кингисеппа, потом десять километров полями и лесами: где пешком, где на подводе. Когда-то там жили бабушка с дедушкой, остался их рубленый дом-пятистенник, а неподалёку — постройный отцом в конце 20-х годов новый дом, семейный, основательный. В этом новом доме и родилась Таня. «В Дворищах живут дяди: дядя Гриша (Григорий Родионович) и дядя Гаврюша (Гавриил Родионович) — братья отца, и тётя Капа (Капитолина Игнатьевна) — мамина сестра»⁶. Семейное гнездо, не дворянское, но со своей историей и традициями. Дед Тани Савичевой Игнат Фёдоров когда-то был направлен из Петербурга в Дворищи, был рабочим-металлистом, участником революционного подполья. Их семья Арсеньевых-Фёдоровых также была большая, порода — русая, сероглазая. Отец Тани в Дворищах и повстречал Марию Игнатьевну, там и поженились, и жили какое-то время, туда и приезжали на лето.

«Дворищи очень быстро оказались на оккупированной гитлеровцами территории. Михаил ушёл к партизанам в лес. В январе 1944 года в одном из боёв был тяжело ранен и отправлен на лечение в Ленинград, освобождённый уже от гитлеровской блокады. А через полгода он вышел из госпиталя инвалидом, на костылях»⁷. Семьи уже не было. Все умерли. Дом стал чужим, в квартире жили другие люди. Михаил «уехал в Дворищи к тёте Капе, но в сентябре 1944 года навсегда перебрался в шахтёрский город Сланцы Кингисеппского района, работал там на почте. Михаил Николаевич Савичев умер в 1988 году. Похоронен в городе Сланцы»⁸.

В 12:15 22 июня 1941 года по радио объявили о начале войны.

Лёку, как уже говорилось выше, в армию не взяли из-за зрения — сильная близорукость с самого детства. Из-за этого — крест на любимом футболе, на профессии и карьере радиста-полярника, о которой молодой парень страстно мечтал. Белый билет. Негоден. Было ему 24 года. Он остался работать на родном судостроительном заводе, в срочном порядке переведённом на военные рельсы.

В конце июля и в августе, вплоть до 8 сентября, началась эвакуация жителей. Достоверно ответить на вопрос, почему семья Тани не эвакуировалась из Ленинграда, когда была такая возможность, наверное, нельзя, но с большой долей вероятности можно предположить следующее. Большей частью эвакуировались те семьи, в которых один из родителей работал на предприятии, подлежавшем эвакуации: в экстренном порядке перевозили за Урал заводы, фабрики, лаборатории, НИИ, музейные экспонаты. Соответственно, предприятия эвакуировались вместе с работниками и членами их семей. При этом не было запрета на эвакуацию остальных жителей. Каждая семья решала этот вопрос самостоятельно.

Во многих современных исследованиях истории блокады повторяется мысль, что фактически население было предоставлено само себе. Оно должно было для себя решать, эвакуироваться ему или нет. Это утверждение не соответствует истине. И поскольку во многих источниках эта мысль повторяется из раза в раз, необходимо остановиться подробнее на этом вопросе, чтобы раз и навсегда поставить точку в манипуляциях недобросовестных исследователей.

Первые решения об эвакуации детей были приняты уже 22 июня. В первую очередь стоял вопрос вывоза детей из летних лагерей и дач, которые попали в зону боевых действий: «Эвакуация началась вечером 22 июня 1941 г. По всем районам за исключением пригородов (Кронштадт, Колпино, Петергоф и Пушкин) были выделены уполномоченные, которые вечером 22/VI и выехали на автомашинах за детьми. В течение 3-4 дней дети были вывезены из опасной зоны»⁹.

По решению бюро горкома и обкома ВКП(б) 27 июня была создана Ленинградская городская эвакуационная комиссия, председателем которой стал Б. М. Мотылёв. «Первоначально предполагалось, что комиссия займётся всем комплексом вопросов, связанных с вывозом населения, учреждений, оборудования предприятий, военных грузов и других ценностей. Но огромный объём работы сразу внёс существенные коррективы. В тот же день, 27 июня Ленгорисполком создал комиссию (председатель Е. Т. Фёдорова) по размещению и эвакуации граждан, прибывающих в Ленинград из районов, оказавшихся под угрозой оккупации (Карелии, Прибалтики, позднее — Ленинградской

области). А 28 июня Военный совет Северного фронта назначил своим уполномоченным по эвакуации председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова, в июле он возглавил Правительственную комиссию по эвакуации, занимавшуюся, главным образом, вопросами вывоза промышленных предприятий¹⁰. Все трое будут репрессированы по Ленинградскому делу в 1949 году. Попкова расстреляют.

Эвакуация жителей Ленинграда проходила в несколько этапов. В первую очередь вывозили детей. 29 июня 1941 года согласно постановлению Ленгорисполкома "О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области" началась эвакуация детских образовательных учреждений. По плану предполагалось вывезти 390 тысяч детей и сопровождающих. Также были приняты постановления "О мероприятиях по медицинско-санитарному обслуживанию населения в пути" (14 августа) и "Об уполномоченных по эвакуации женщин и детей в области и автономные республики" (17 августа). Возможно, из-за неудач при планировании эвакуации эти распоряжения не были опубликованы. 29 июня из города отправились десять эшелонов, в которых находились 15 192 ребенка. Предполагалось размещать детей в летних городских лагерях и базах отдыха на юге Ленинградской области, куда и смещалась от западных границ линия фронта. Из-за стремительного продвижения немецких войск 170 тысяч детей были привезены обратно в Ленинград. "В Отчёте Ленгоргоно в Плановый отдел Ленисполкома указывается, что общее число вывезенных таким образом на 6 июля 1941 г. из Ленинграда детей составило 234 833 человека. Из них горно вывезено 211 766 детей. [...]"

Эвакуация такого большого числа детей с небольшим количеством сопровождающих не могла не вызвать серьёзные организационные трудности. Исправлению недостатков в организации эвакуации был посвящён приказ наркома просвещения РСФСР "О наведении порядка по обслуживанию школьников (Мосгоргоно, Ленгоргоно в эвакуации. — Л. Г.)" (Пр. № 547 от 17 июля 1941 года), а затем Инструкция № 01-1-5/55 от 20. VIII. 1941 г. "Об эвакуации детей и матерей" Наркомата здравоохранения СССР. В то же время важнейшим вопросом стало финансирование нахождения детей в эвакуации. 19 июля 1941 г. было опубликовано постановление Ленгорисполкома "О порядке взимания платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда", Пр. № 48, п. 7, к которому прилагалась Инструкция для управляющих домами (комендантов), согласно которой средства за содержание в интернатах, в размере от 25 до 210 рублей в зависимости от дохода на одного члена семьи, собирались с родителей через специальные инкассаторские пункты и сдавались в городскую контору Комбанка на текущий счёт общегородского бюджета № 2740 в течение пяти дней со дня выхода Постановления¹¹.

Наверное, и это решение о финансировании было не самым удачным. Не каждый родитель, во-первых, отпустит своего ребёнка одного с чужими людьми неизвестно куда. Во-вторых, взимание платы наверняка отпугнуло многих небогатых родителей, решивших, что проще прокормить детей самостоятельно. Среднемесячная зарплата штатного работника дошкольного детского дома, к примеру, составляла 192 рубля в месяц¹². В-третьих, никто до конца не верил, что город Ленина вот так вот, за несколько месяцев будет отрезан от Большой земли, что Гитлер примет решение блокировать Ленинград, уморить голодом жителей и защитников. В такой ход событий здравомыслящий советский человек поверить просто не мог. Хотя слухи о зверствах оккупантов доходили и до Ленинграда от тысяч беженцев, спасавшихся в городе от войны.

После 6 июля была разрешена эвакуация детей с матерями, но к этому времени уже возникли непреодолимые трудности транспортного характера. С 9 июля было закрыто движение поездов до Пскова, с 19 июля — до станции Дно, 14 августа была закрыта станция Луга, а с 27 августа, после захвата немцами Мги, эвакуация по Октябрьской железной дороге прекратилась. Всё происходило стремительно, в считанные дни и недели, поэтому понять, какое количество детей было всё-таки эвакуировано из Ленинграда, можно только сравнив финансовые документы горно за 1941 год. Средства на эвакуацию детских учреждений проходили именно по его линии. По "Заключительному балансу по бюджетным и внебюджетным средствам Ленинградского горно на 1 января 1942 года" 768 700 рублей были закрыты как расход на эвакуацию, что соответствует расходу примерно на 76 870 детей¹³. Однако